

В дозволенном также путем многочисленных схоластических различий выявлялась крупица единственно дозволенного, где и осуществлял себя рецепт. Рецепт — всегда да. Но за ним — всегда же не менее жесткое нет. Массив запретного нарастал; пяточок рецептурно оформленного разрешенного сужался. Когда стоять на этом пяточке было уже нельзя, все умсющийся, но еще стесненный рецептом позднесредневековый мастер берет этот Моублаи антитез; начинает интересоваться (уже без рецептов: их для этой цели еще не было) всем, что попадет под руку. Начинается Возрождение с его универсальным, нерегламентированным, нерцеатурным умением. Логика *обратности*, *вийоновский мир наизнанку* предварили ренессансный универсализм:

*На помощь только враг придет...
Смеемся мы лишь от мучений...
Красоткам нравится урод...
Всего на свете горше мед...
Глупец один рассудит право...
И лишь влюбленный мыслит здраво*
(Вийон, 1963, с. 173).

Эти изнаночные истины были настолько истинны, что не нуждались в рецептурном оформлении вовсе.

КАК ЖЕ исчерпал себя строгий и неукоснительный рецепт средневековья?

Алхимическое предписание в принципе невоспроизводимо. И все-таки, чтобы воспроизвести его, надо повторить вслед за адептом концептуальные усилия всей *герметической философии* по воссозданию универсума, даже если в отдельном рецепте речь идет о чем-то с виду конкретном и частном. Но творение мира — дело только бога, и поэтому алхимический рецепт невоспроизводим по определению. Официальное средневековье не умело, хотя и чаяло, смешивать серу и злость, ртуть и благо, принцип и вещь. Алхимик это умел. Такое умение и есть тот активатор, который, деформируя средневековый христианский рецепт, подвинул его к самоизменению по пути к алхимическому образу-образцу ценою собственного исторического существования.

Джордж Рипли в «Книге двенадцати врат»: «Начинай работу при закате солнца, когда красный муж и белая жена соединяются в духе жизни, чтобы жить в любви и спокойствии в точной пропорции воды и зем-

---

ческого общества с высоким достоинством сословно-цехового сознания легко снимала ощущение неловкости от этих запретов. И все же запреты были, накапливались, провоцировали логику *обратности*, хотя и не были даны актуально средневековому сознанию, особенно в пору «темных» веков. Стремление на феномене запрета в вскрыть метаморфозы мышления может показаться стремлением поторопить историю. Но, надеюсь, многообразие исторического материала замедлит логический разбег, диктуемый жесткостью схемы.